

НИКОЛАЙ БОРМОТКИН

ЛЕНИНГРАДСКИЕ РАССКАЗЫ

* * *

Сначала мы блокируем Ленинград и разрушаем город артиллерией и авиацией... Весной мы проникнем в город... вывезем всё, что осталось живое, в глубь России или возьмём в плен, срынем Ленинград с землёй и передадим район севернее Невы Финляндии.

Из тезисов немецкого доклада
“О блокаде Ленинграда”,
21 сентября 1941 г. Берлин

...Я никогда не помнил мать отдыхающей. Рано утром она уже всегда была на ногах. После смерти нашего отца она осталась с тремя детьми на руках – старшему брату было 9 лет, а младшему 3 года. Отец работал дворником, и мы занимали служебную квартиру. Пришлось матери уйти с почты, где она работала, и ради нас, чтобы мы были у неё на глазах, занять место умершего отца.

Прокормить троих детей на зарплату дворника было непросто. И чтобы как-то свести концы с концами, матери приходилось постоянно подрабатывать – брать в стирку бельё, пилить дрова (в доме было печное отопление) и выполнять другую дополнительную работу. В 1939 году мы со старшим братом закончили семилетку и поступили на работу. В семье стало полегче материально. Мать немного вздохнула. И тут – война.

Наша семья, как и большинство ленинградцев, и в мыслях не держала куда-нибудь уезжать из города. Ведь никто и не предполагал, что произойдёт такая трагедия, как блокада. В июле 41-го года, когда стало ясно, что Ленинград подвергается опасности захвата немцами, руководство города направило свыше 500 тыс. жителей на строительство оборонительных рубежей под Ленинградом. Вместе с заводскими товарищами по работе поехал и я, хотя мне не было ещё шестнадцати лет. В начале сентября, когда Ленинград был уже во вражеском кольце, мы оказались отрезанными в районе старого Пе-

БОРМОТКИН Николай Константинович — инвалид Великой Отечественной войны, прислал в редакцию свои воспоминания о днях пережитой им блокады Ленинграда. Эти безыскусные записи не поражают воображение, но они неотъемлемая часть той великой боли, что осталась в памяти России на века.

тергофа, где рыли противотанковые рвы. Возвращение в город по железной дороге стало невозможным. Нам удалось пешком добраться до Ораниенбаума и по Финскому заливу на пароходе вернуться в Ленинград.

Причалили поздно вечером к пристани на Васильевском острове. Ночной Ленинград был окружён заревом полыхающих пожаров. Немцы стояли уже у самого порога города.

Пройдя по Большому проспекту на Петроградской стороне, я дошёл до своего дома на улице Мира и, усталый, завалился спать. Проснулся поздно утром – мать разбудила меня словами: “Вставай, воздушная тревога!” – Так начались мои блокадные дни.

Более шестидесяти лет прошло с той поры, но до сих пор в памяти, как глубокие зарубки, остаются события ленинградской блокадной зимы 1941–42 годов, свидетелем и участником которых мне пришлось быть. До сих пор я испытываю чувства необъяснимой радости, беря в руки тёплую буханку ржаного хлеба и вдыхая его ни с чем не сравнимый аромат. Мне всегда было больно видеть (правда, это было до “перестройки”, когда хлеб стоил копейки), как наши дети и внуки, которые лишь по книгам и кинофильмам знают, что такое голод, выбрасывают куски хлеба на помойку. Святое отношение к хлебу, как символу жизни, останется у меня, как у большинства блокадников, до конца моих дней.

Я работал на одном из оборонных заводов Ленинграда. После того как немцы в сентябре 41-го года блокировали город и мы перестали ездить на строительство оборонных сооружений, нас, 15–16-летних подростков, включили в состав команды МПВО завода и перевели на казарменное положение.

...Это был один из обычных дней – воскресенье декабря 1941 года. В этот день нам, бойцам МПВО, разрешалось покинуть объект и навестить домой. В условиях блокады неделя – очень большой срок, и многие из нас, придя домой, не досчитывались кого-нибудь из родных и близких. А у меня дома оставались мать и двое братьев. Младшему было уже двенадцать, старший брат, как и я, работал на заводе.

Ноябрь и декабрь 41-го года были самыми тяжёлыми месяцами блокадной зимы. Нормы выдачи хлеба в это время были самые низкие за всю блокаду: рабочим полагалось 250 граммов, иждивенцам, детям и служащим 125 г в день. Нередко бывали дни, когда кроме пайки хлеба, мы ничего не получали. В эти дни нам в заводской столовой давали дрожжевой суп – разведённые в воде дрожжи, приготовленные из пищевой целлюлозы. За этот суп отрывали крупяные пятиграммовые талоны продовольственных карточек. Зная, что мои домашние лишены и такой добавки, я решил принести им домой бидон супа.

В столовой, как всегда, народу было полно: озябшие, голодные люди выпивали тёплую белую жидкость и хоть немного согревались. Я подал свою продовольственную карточку, и за несколько крупяных талонов мне налили полтора литра дрожжевого супа. Теперь передо мной стояла задача – пронести суп через проходную. Руководство категорически запрещало даже эти дрожжи из целлюлозы, разведённые в воде, выносить с территории завода, поскольку нужно было беречь от голодной смерти своих сотрудников, хотя питательность этого супа была иллюзорной. Однако я знал, что матери и братьям приходится ещё хуже, чем мне. Словом, я решил вынести этот суп с завода.

Морозы тогда стояли жестокие – до 40 градусов, и мы надевали на себя и пиджак, и телогрейку, а сверху ещё пальто. В таком наряде и нормальный человек не очень подвижен, а голодный дистрофик становился совсем скованным.

Привязав веревку к ручке бидона и прикрепив его к поясному ремню так, что бидон оказался у меня ниже пояса, между ног, я застегнул пальто, полы которого доходили чуть ли не до пят, и направился к проходной. Конечно, походка моя со стороны выглядела очень странной: я шёл широко расставляя ноги, боясь пролить суп. Предъявив пропуск вахтёру, я двинулся к выходу из проходной. Сердце радостно забило: “Прошёл”, – подумал я, уже подходя к двери, как вдруг услышал за собой возглас: “Стой!”. Не раздумывая, я бросился бежать, забыв о том, что бегать в блокаду мы разучились. Да если я и смог бы побегать, бидон стал бы непреодолимой помехой. Я сделал несколько нелепых движений, запутался в полах пальто и грохнулся на пол. Раздался лязг металла об пол, и, о, ужас! – я почувствовал, что содержимое бидо-

на вылилось, и я оказался лежащим в луже мутной жидкости. Вахтер сгрёб меня за шиворот и водворил обратно на территорию завода. Сделать ему это было нетрудно, поскольку мой вес тогда был очень далёк от нормального.

Я стоял у проходной растерянный и злой. Если были бы слёзы, я бы заплакал. Правда, блокада лишила нас и этой возможности, плакать мы разучились. Взглянул в бидон — в нём осталось немного супа. “Что делать?” — подумал я с горечью. Время уже потеряно, а домой идти надо. Решив всё же хоть эти жалкие остатки принести, я отправился к другой проходной, выходящей на противоположную улицу.

В мирное время путь от проходной до дома занимал не более десяти минут. Сейчас мне потребовалось на него полчаса. По пути попадались неубранные трупы: дворники или болели, или поумирали. Мы жили на первом этаже старого шестиэтажного дома. В блокаду это было немаловажным обстоятельством: не нужно было тратить силы на преодоление подъёма, когда каждая ступенька давалась с трудом.

В сентябре — октябре 41-го года ленинградцы ещё не испытывали такого мучительного голода, как в ноябре — декабре, ходили в бомбоубежища или спускались с верхних этажей на первые во время бомбёжек, поэтому в нашу квартиру при авианалетах приходили жильцы с верхних этажей. Сейчас же ни бомбёжки, ни артобстрелы не казались такими опасными: голод намного притупил чувство страха.

По дороге мне встретился лишь один человек — паренёк, живший в нашем подъезде. Мы перекинулись несколькими словами: “Жив? — Пока да”. На этом наш диалог закончился: даже для того, чтобы произносить слова, сил не хватало — от длительного голода язык становился как бы ватым и с трудом ворочался во рту. Дома, к моей радости, все были живы. Правда, братья выглядели ещё хуже, чем я — кожа да кости. Я поставил бидон на стол. Мать обратилась ко мне: “Что это?” — “Дрожжевой суп”, — объяснил я. Она открыла крышку бидона и заглянула в него — на доннышке белело не больше стакана мутной жидкости...

* * *

*Не шумите вокруг — он дышит,
Он живой ещё, он всё слышит...
Как из недр его вопли: “Хлеба!” —
До седьмого доходят неба...
Но безжалостна эта твердь.
И глядит из всех окон — смерть.*

Анна Ахматова

С первыми холодами в городе замёрз водопровод, правда, как такового его уже не было, и пили кипяток из растопленного снега. Но снега много не натопишь, и за водой приходилось ходить на Неву. В один из выходных дней я пришёл домой. Мать себя плохо чувствовала. Воды тоже не было.

Я взял два ведра, привязал их к санкам и поехал к Неве. От дома до Невы шёл минут пятнадцать, но к реке пришёл совершенно обессиленный. Трудно было спуститься на лёд: берег был не очень высокий, и в нём даже были прорублены ступени, но они обледенели, и требовалась известная ловкость, чтобы на них удержаться. Я взял ведро и, оставив санки на берегу, спустился к проруби. Однако прорубь была довольно широкой, и зачерпнуть ведро воды было не так просто. Выходили из положения так: вставали на колени и таким образом набирали воду. Некоторые приносили ковшики и ими наполняли вёдра.

С большим трудом я втащил полное ведро наверх и привязал его к санкам. Втащить наверх второе полное ведро было уже намного труднее. Когда до подъёма на берег осталось две-три ступени, я вдруг поскользнулся и упал — ведро опрокинулось, вода пролилась. Спускаться к проруби в третий раз у меня уже не было сил. Я сел на ступеньку и чуть не заплакал. Так и привёз домой лишь одно ведро воды.

Мать посмотрела на меня и без слов всё поняла.

* * *

Предполагается город окружить тесным кольцом и путём обстрела и бомбёжки сравнять его с землей. Если будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты. В этой войне, ведущейся за право на существование, мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения.

Директива германского командования

...В конце декабря 41 года в некоторых булочных Ленинграда возникли перебои с пайковым хлебом. Водопровод в городе замёрз, и на ближайший хлебозавод в нашем районе воду приходилось возить с Невы.

На заводе “Электроприбор”, где я работал, как и везде, электроэнергия поступала на два–три часа в сутки. Для близлежащей хлебопекарни, находившейся в парке имени Ленина, возить воду с Невы в нашем цехе отобрали пятерых рабочих, которые ещё не совсем ослабли. В их число попал и я. Отработав день на своём заводе, пришли мы туда вечером. Нам показали большущую бочку высотой метра полтора и объяснили задание – возить на санях воду с Невы и наполнить огромный водяной котёл в пекарне. Но перед этим, поскольку работа предстояла нелегкая, а мы были отнюдь не сытые – каждый из нас получил по большой корке от разломанных бракованных буханок хлеба и по кружке кипятка. В декабре 41 года в муку, из которой пекли хлеб, непосредственно входило ржаной муки лишь около 60%, а 40 процентов составляли добавки – отруби, пищевая целлюлоза, овсяная мука, выбивки из мешков и пр. Поэтому клейковины в хлебе было мало, и буханки часто разламывались.

Подкрепившись, мы впряглись в сани и через ворота, где нас осмотрел охранник, отправились на “Золотой бережок” у Петропавловской крепости. Воду из проруби черпали ведрами и наливали в бочку. Первый блин чуть не вышел комом. Стараясь побольше привезти воды, мы налили бочку до краёв и хотели её везти. Но не тут-то было: её не удавалось даже сдвинуть с места. Лишь отчерпнув несколько вёдер, мы впятером с трудом довезли сани до хлебозавода.

Так мы трудились всю ночь. Уже под утро, когда каждый из нас еле передвигал ноги, и бочка с водой становилась всё тяжелей и тяжелей, я заметил, что мои более расторопные напарники перед тем, как вывезти бочку с хлебозавода, бросили в неё несколько корок бракованного хлеба. Охранник при выходе внимательно осматривал каждого из нас, а в бочку заглянуть не догадывался. Когда сани вывезли за ворота, по дороге корки хлеба вынули из бочки и бросили в снег, который был достаточно глубоким. Часам к семи утра огромный водяной котёл был наполнен, и нас отпустили домой.

Мои сообразительные товарищи по дороге в парке собирали брошенные в снег обломки хлебных корок. Я же сумел запихнуть две большие корки за голенища валенок и с замиранием сердца прошёл через проходную.

Придя утром домой, я как подкошенный свалился в постель и проспал непрерывно часов двенадцать. **За всё время блокады это был единственный день, вернее ночь, когда я съел хлеба больше блокадной нормы.** К сожалению, ощущение некоторой полноты желудка с пробуждением сразу исчезло, и опять возникло омерзительное сосущее чувство постоянного голода...

На следующий день я вновь был на заводе, где находился на казарменном положении в команде МПВО. Блокадные будни продолжались.